doi: 10.53658/RW2021-1-1-13-26

Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (Москва, Россия).

Аннотация. В статье рассматривается новая научная категория «коммуникационный режим», анализируется его сущность, социально-политическое значение, особенности конструирования. Коммуникационный режим рассматривается как управляемая (с разной степенью управляемости), институционализируемая (с разной степенью институционализации), конвенциональная (с разной степенью конвенциональности) система норм, правил, принципов, традиций, структур, акторов, регулирующих информационно-коммуникационные процессы. Имманентными составляющими коммуникационного режима являются коммуникации (процесс и результат установления двух- или многосторонних контактов) и информация (сообщения, передаваемые в процессе коммуникации или в одностороннем, одностороннем процессе информирования). Социальная сущность коммуникационного режима заключается в упорядочивании коммуникации и информации, а политическая – в обеспечении воспроизводства действующей власти, что в совокупности позволяет системе самосохраняться. Конструирование коммуникационных режимов происходит путем: (1) институционализации представлений субъектов власти об идеальной модели организации информационно-коммуникационных процессов в обществе; (2) консолидации относительно исторически сложившихся норм и традиций коммуникации; (3) учета интересов больших и значимых социальных групп; (4) адаптации действующего режима к новым коммуникативным практикам. Коммуникационные режимы имеют сложные субъект-объектные отношения, при которых объекты могут становиться субъектами и изменять действующий режим. Автором выявлены парадоксы и противоречия коммуникационных режимов, недооценка которых может привести к социальной и политической дестабилизации. Предлагается модель комплексного анализа страновых коммуникационных режимов, которая была разработана автором под влиянием системного, институционального подходов, идей конструктивистов и с учетом возможностей эмпирического уровня исследования, фиксации и группировки научных фактов.

Ключевые слова: коммуникационный режим, информационный порядок, политический режим, политическая коммуникация, система коммуникации

Об авторе: Валентина Вячеславовна КОМЛЕВА – доктор социологических наук, руководитель направления аналитики, Национальный исследовательский институт развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: komleva@nicrus.ru.

Коммуникация и связанные с ней процессы и явления играют определяющую роль во внутренней и внешней политике современных стран. Ряд исследователей аргументирует позицию, согласно которой политика и власть, по сути своей, является коммуникацией (например, Лассуэлл 2006; Луман 2001; Хабермас 1985). Однако, несмотря на многочисленные исследования и теории, вне поля зрения ученых остается феномен таких конфигураций коммуникации, как страновые коммуникационные режимы. В 2020 году Национальный исследовательский институт развития коммуникаций начал фундаментальное исследование этого феномена и ввел в научный и общественно-политический дискурс понятие «коммуникационный режим» (Гасумянов и Комлева 2000). По результатам первых пилотных исследований была проведена серия публичных научных и экспертных дискуссий, в ходе которых наметились дальнейшие направления научной работы. В данной статье изложены основные идеи относительно сущности и значения коммуникационного режима как общественно-политического феномена и возможностей его эмпирического анализа.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции и закономерности функционирования общественных систем, выявленные учеными в рамках системного подхода (Анохин 1978; Акофф и Эмери 1974; Берталани фон 1969; Клир 1973), кибернетического подхода (Винер 2019; Росс Эшби 2021) и теорий коммуникации (Лассуэлл 2005; 2021; Луман 2001; 2005; Хабермас 1984; 1985), идеи относительно информационного порядка (Castells 2008; McBride 1980; Theberge 1981; Li 1988; Masmoudi 1972; Sreberny 2006; Thussu 2015; Zandberg 1990; Roach 1990; Holzberg 1982; Ayish 2015). Осмысление социальной реальности с позиций системного и институционального подходов показывает, что общество, представляющее собой систему многочисленных разноуровневых и разнонаправленных коммуникаций и их участников, вырабатывает механизмы для обеспечения своего управления и воспроизводства, регулирования социальной жизни, упорядочивания информации и коммуникации в заданных институциональных рамках. Эти рамки формируются путем общественного консенсуса относительно норм, правил, принципов коммуникации, принятых законов и механизмов их исполнения, создания специализированных структур по управлению коммуникациями, путем разработки системы санкций за отклонения от заданных, принятых норм. Все вместе это формирует коммуникационный режим, который упорядочивает коммуникации, сдерживает отклонения, позволяет системе воспроизводить себя, способствует динамической стабильности.

Сущность и роль коммуникационного режима в системе общественных отношений

Коммуникационный режим (лат. *regimen* – «управление», «командование», «руководство») как общественно-политический феномен определяется нами как управляемая (с разной степенью управляемости) совокупность взаимосвязанных условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение), принятых для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе. Для поддержки режима создаются специальные институты, которые находятся в системной связи с другими институтами и между собой, с групповыми и единичными акторами коммуникации. Коммуникационные режимы конструируются в определенных институциональных и социокультурных границах. Как следствие, они могут быть страновыми, региональными, субрегиональными, а в некоторых случаях возникают в границах, определенных цивилизационными

различиями. Но в любом случае неперенным условием их появления является наличие институционализирующего и управляющего центра (или центров) в рамках пространства. Рамки (границы) пространства заканчиваются там, где заканчиваются возможности управленческого влияния этого центра на социум. В современных условиях мы можем говорить не только о территориальных границах коммуникационного режима, но и о новых практиках появления коммуникационных режимов в виртуальных границах. Примером тому являются Е-резидентство, Е-федерация (в Эстонии и Финляндии, для решения общих логистических задач), Е-посольство (посольство данных Эстонии за пределами своих границ с целью обеспечения цифровой преемственности и государственности на случай критических сбоев или внешних угроз) (Тоом и Комлева 2020). Однако в данной статье мы сосредоточимся на территориальных коммуникационных режимах, а точнее – на коммуникационных режимах в рамках государственных границ. При этом мы не используем термин «государственные коммуникационные режимы», потому что конструирование коммуникационных режимов происходит не только государственными акторами. Об этом речь пойдет чуть позже.

Имманентными характеристиками коммуникационного режима являются коммуникация и информация, которые структурируются и институционализируются особым образом в каждом конкретном случае (стране, регионе и др.) с учетом социокультурного, политического и исторического контекста. Коммуникация понимается нами как процесс установления контактов, общения, взаимодействия индивидуальных акторов, социальных групп, институтов. Информация представляет собой сообщение, передаваемое в процессе коммуникации. Таким образом, коммуникационный режим касается как коммуникации, так и информации, устанавливает границы возможного в отношении контактов и сообщений. Соответственно, режим касается действий субъектов коммуникации и содержания передаваемой информации. Значимыми субъектами (акторами) страновых коммуникационных режимов являются политическая власть, гражданские институты, СМИ, в ряде стран – церковь, армия, структуры безопасности, бизнес-структуры, международные институты и даже правительство других стран (при зависимом типе коммуникационных режимов). Коммуникационный режим регулирует как процессы коммуникации, так и информационные процессы. Мы используем понятие «коммуникационный режим», а не «информационный режим», потому что процесс коммуникации отличается от информационного процесса субъект-субъектными отношениями, многонаправленностью, обратными связями. Информационный процесс односторонен, и если реципиент дает обратную связь, на которую отвечает коммуникатор, то они устанавливают контакт, что означает переход процесса информирования в коммуникационный процесс. То есть информационный процесс (передача сообщения) – неотъемлемая часть коммуникации, а следовательно, тоже упорядочивается режимами.

Возникновение коммуникационных режимов обусловлено необходимостью создания общеобязательных и желательно общепринятых принципов, без которых весьма сложно упорядочивать и координировать отношения в общественной системе. Субъекты коммуникационных режимов институционализируют правила, структурируют и нормируют каналы коммуникации, содержание коммуникации, участников коммуникации с целью обеспечения порядка. Иными словами, коммуникационные режимы являются одним из условий достижения социального порядка. Как следствие, системная роль коммуникационных режимов заключается в упорядочивании коммуникаций. Согласно идеям Т. Парсонса, элементом, упорядочивающим взаимодействующие части, является структура (воспроизводящееся единство находящихся в постоянном движении социальных

действий). Структура понимается как система социальных норм и статусов (или нормативный порядок). Нормативный порядок включает: социальный порядок и социальные нормы (неизменные правила, которыми руководствуются большие массы людей в силу придания нормам легитимности). Режим закрепляет те нормы, правила, принципы, структуры, которые обеспечивают желаемый порядок, и связан с такими тенденциями, как стремление социальной системы к самосохранению, стремление к сохранению определенных границ и постоянства по отношению к изменяющейся среде. Режим обеспечивает равновесие и динамическую стабильность системы. Он позволяет легитимно оценивать и воздействовать на отклонения, чтобы скорректировать их и снова возвращать систему в равновесное состояние. Таким образом, благодаря режиму система преодолевает дисфункции.

Режим создается, поддерживается, изменяется определенными субъектами, и понимание режима возможно только при его субъектности. При первом взгляде на феномен коммуникационного режима мы можем утверждать, что его субъектами являются институты власти, которые формируют стратегическое видение развития системы, имеют полномочия устанавливать, изменять правила и обладают ресурсами, достаточными для создания условий и контроля за их исполнением. Однако при более внимательном рассмотрении конструирования коммуникационного режима становится ясно, что он может изменяться под давлением самоорганизующихся акторов, к каковым относятся группы (а иногда и индивиды), оказывающие давление на центр принятия решений. То есть субъектом является не только власть, но и некоторые социальные группы, СМИ, религиозные институты, закрепляющие практики коммуникации в виде неформальных норм, традиций, обычаев и закрепляющие дискурсивные практики. Иными словами, коммуникационные режимы конструируются и поддерживаются не только формальными, но и неформальными нормами. Учитывая такую сложную субъектность коммуникационных режимов, мы называем их «страновыми», а не «государственными», так как они конструируются не только государственными институтами.

Обобщая сказанное, отметим, что коммуникационный режим проявляется в конкретном страновом контексте, а именно – в институциональных особенностях, структурах, практиках и культуре коммуникации, в преобладающей точке зрения на «идеальный тип» коммуникации. Следовательно, эмпирическое изучение коммуникационного режима возможно методами институционального, структурно-функционального, системного анализа, а также методами политического, социокультурного, исторического анализа и социальной диагностики.

Подсистемы коммуникаций, значимые для изучения коммуникационных режимов

При анализе странового коммуникационного режима мы рассматриваем практики коммуникации как минимум в следующих подсистемах: «власть – общество» (практики допустимой коммуникации власти и народа, а точнее, институтов власти и гражданских групп (или институтов)); «общество – общество» (практики допустимой коммуникации социальных групп, институтов гражданского общества между собой); «власть – власть» (практики коммуникации властных групп между собой); «СМИ – власть» (практика регулирования СМИ); «СМИ – общество» (практики допустимых коммуникаций СМИ и населения, особенности цензуры); «СМИ – СМИ» (практика взаимодействия СМИ). В зависимости от целей исследования коммуникационных режимов принципы и правила коммуникации

в этих подсистемах могут быть проанализированы как во внутреннем контуре, так и во внешнем. Например, при анализе подсистемы «общество – общество» с учетом внешнего контура мы анализируем нормы, правила, условия, возможности и ограничения коммуникации российских и зарубежных НКО, групп ученых, молодежных организаций и иных институтов гражданского общества. Если же нас интересует только внутренний контур странового коммуникационного режима, то мы анализируем режим коммуникации страновых гражданских институтов без международной составляющей.

Правила, на которых основан режим, проникают во все выше названные подсистемы и при комплексном анализе дают полноценное представление о коммуникационном режиме той или иной страны. Но для понимания коммуникационного режима не достаточно изучения только норм и правил. Так как принятые нормы и правила реализуются в конкретных исторических условиях и контекстах, то весьма значимо изучение коммуникационных практик. Особенно значимы социокультурный и политический контексты. В социокультурном контексте могут сложиться законодательно не закрепленные традиции, обычаи, устанавливаться неформальные правила, влияющие на коммуникационные практики. Например, коммуникации в чеченском обществе частично регулируют адаты (обряды и обычаи), формирующие особую правовую культуру и этику коммуникации. Среди адатов есть и деструктивные обычаи, например кровная месть. Тем не менее и этот адат оказывает влияние на отношения в чеченском сообществе (Шарафутдинова 2009).

Политический контекст способен трансформировать правила коммуникационного режима под давлением политической целесообразности, что на практике может выражаться в избирательном применении санкций, ограничений и, наоборот, протекций в отношении участников коммуникационного процесса. Наглядным примером во внешнем контуре коммуникационного режима является избирательное применение норм законодательства в отношении RT и Sputnik в ряде зарубежных стран (Латвия, Литва, Эстония и др.). На внутривановом уровне в качестве примера можно привести трансформацию коммуникационного режима в отношении оппозиционных участников коммуникации и передаваемой ими информации. Исследования социокультурного и политического контекстов позволяют: (1) выявить константы коммуникационного режима, воспроизводящиеся как в исторической ретроспективе, так и в актуальном состоянии, (2) определить ситуативные факторы изменений, (3) описать условия и особенности воспроизводства действующего режима, (4) сделать прогнозы относительно его динамики и трансформации.

Парадоксы коммуникационных режимов

При анализе коммуникационных режимов следует обращать внимание на некоторые парадоксы, обусловленные закономерностями социальной жизни. Знание этих парадоксов позволяет более глубоко понять общественно-политические противоречия и все чаще встречающиеся явления дестабилизации системы.

Первый парадокс назовем «режим-консерватор», так как коммуникационный режим (несмотря на роль регулятора и выполняемую функцию упорядочивания социальной жизни), в итоге становится фактором, сдерживающим развитие общественной системы. В некоторой степени режим является консервативным элементом системы, ибо он озабочен воспроизводством ее структуры и правил. Режим ограничивает свободу коммуникации и тем самым не позволяет проникнуть в систему акторам и сообщениям, потенциально способным нарушить ее равновесие. С этой

целью режим устанавливает и регулирует прямые и обратные связи в подсистемах «власть – общество», «общество – общество», «власть – власть», «СМИ – власть», «СМИ – общество», «СМИ – СМИ» на микро-, мезо- и макроуровнях той общественной системы, в которой он упорядочивает коммуникации и информационные потоки. Но изменяющаяся реальность продуцирует новые практики коммуникации, появляются новые значимые акторы (или активизируются прежние, наращивая ресурсы своего влияния на общество и центры принятия решений), новые технологии, новые интересанты, требующие изменения устоявшихся правил, норм и принципов коммуникации. Внешняя или внутренняя среда начинает давить на коммуникационный режим, и общественная система отклоняется от равновесной динамики. Режим вынужден активизироваться, чтобы снять давление, что, в свою очередь, только усиливает возникающий процесс отклонений. При условии достаточности ресурсов у акторов, альтернативных действующему режиму, и их самоорганизации, коммуникационный режим (напомним, призванный сохранять систему) может продолжать консервировать ее до степени несоответствия изменяющейся реальности. В итоге она будет дестабилизироваться практиками, самоорганизующимися на новых нормах коммуникации. Это, как правило, коэволюционный процесс, который становится необратимым по мере создания новой организации режима и разрушения некоторых его старых структур.

Коммуникационный режим поддерживает принятые общественные стандарты, институты, системы убеждений, политические отношения и культурные образцы. По сути, коммуникационные режимы способствуют тому, что системы страновых коммуникаций организационно и информационно становятся более закрытыми. Это видно даже в странах ЕС, где сформировано общее информационно-коммуникационное пространство. Происходит это потому, что «закрытость» позволяет системе сохранять идентичность в условиях изменений, определять и воспроизводить собственную общественную организацию и информацию. Таким образом, коммуникационный режим априори консервативен и сдерживает новации (по крайней мере, на старте их появления). В этом плюс для системы и минус для субъектов коммуникационного режима, общественная поддержка которых уменьшается в условиях быстрых изменений, развития сетей коммуникации, появления новых практик коммуникации, общественного запроса на горизонтальные коммуникации и альтернативную информацию. Таким образом, парадокс «режима-консерватора» заключается в том, что коммуникационные режимы, возникающие для упорядочивания, сами провоцируют нарастание противоречий и хаоса. Возникающие для сохранения системы, коммуникационные режимы провоцируют ее дестабилизацию. С нашей точки зрения, примером проявления такого парадокса является белорусский случай. Коммуникационный режим Белоруссии, по сути, не имеющий «резерва разнообразия» (см. закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби), необходимого для устойчивого функционирования системы, законсервировал страновую модель коммуникации, и в условиях активизации альтернативных информационно-коммуникационных центров открылся «черный ящик» (о котором говорил С.Т. Бир, описывая «принцип внешнего дополнения» в кибернетике). С этой точки зрения мы предполагаем, что коммуникационный режим Белоруссии будет испытывать давление «снизу» и находиться в процессе модуляции до тех пор, пока власть и общество не достигнут консенсуса о взаимно приемлемом разнообразии каналов и акторов коммуникации, необходимом для обеспечения устойчивости режима (не ситуативной стабилизации, а долгосрочной устойчивости). Конкретные случаи проявления страновых коммуникационных режимов будут описаны нами в дальнейших публикациях, в том числе будут проанализированы и постреакции субъектов коммуникационного режима в Белоруссии.

Второй парадокс связан с первым и назван нами «игра эмерджентности с режимом». Известно, что для общественной системы свойственна эмерджентность, обеспечивающая ряд синергетических эффектов и способствующая развитию. Эмерджентность (как появление у системы свойств, не присущих ее отдельным элементам) конкурирует с режимом, потому что периодически подбрасывает ему новые задачи и проблемы, которые он должен урегулировать, новые отношения, которые он должен упорядочить. С этих позиций эмерджентность провоцирует возмущения системы на фоне несостоятельности коммуникационного режима регулировать новые коммуникационные практики. Коммуникационный режим (который установился в результате общественного согласия по поводу норм, правил, принципов коммуникации) вынужден меняться под влиянием эмерджентных процессов. Эмерджентность и произведенные ей социальные инновации и новейшие практики конкурируют с коммуникационным режимом и свойственным ему консерватизмом. Но без учета появляющихся новых практик коммуникационный режим теряет свою способность упорядочивать общественные коммуникации и информационные потоки. В тот момент, когда процесс становится необратимым, субъекты коммуникационного режима либо жестко ограничивают (вплоть до запрета) новые практики коммуникации, либо институционализируют их. Причем делать это могут не только институты власти, но и социальные акторы путем порицания и социального осуждения новых коммуникационных практик, не соответствующих установившимся нормам (в том числе и неформального характера). Примером могут служить женщины из богатых арабских стран, получавшие образование в американских и западноевропейских университетах, частично социализированные в иных социокультурных условиях. Вернувшись в свои страны, они отказываются соблюдать устоявшиеся правила в отношении женщин, но подвергаются осуждению со стороны семьи, родственников, соседей. Включение таких «элементов» в систему влияет на качественные эффекты эмерджентности, то есть система продуцирует новации, которые влияют на коммуникационные режимы, заставляя их изменяться. Репрессивные реакции со стороны режима лишь ситуативно тормозят процесс, но не могут остановить его «расконсервирование». Анализ коммуникационных режимов разных стран позволяет нам сделать вывод о том, что модуляции коммуникационного режима все чаще детерминированы новейшими практиками и коммуникационными экспериментами на микроуровне. Иногда масштабная самоорганизация на микроуровне коренным образом меняет режим.

Интересны случаи, когда коммуникационный режим сам начинает играть стимулирующую роль за счет использования своих ресурсов, капитала и технологий. Приведем случай России, где, например, в подсистеме коммуникации «власть – общество» происходит изменение норм, правил, структурных элементов в результате целенаправленных усилий по цифровизации информационно-коммуникационных процессов. В результате инициации «сверху» появляются новые практики коммуникации, которым вынуждено обучаться общество.

Таким образом, парадокс «игры» эмерджентности с режимом заключается в том, что эмерджентные свойства общественной системы производят новые правила и практики коммуникации, накопление и самоорганизация которых (даже на микроуровне) провоцируют модуляции коммуникационного режима и заставляют его трансформироваться. Коммуникационный режим, выполняя задачу воспроизводства системы, попадает в ловушку эмерджентности этой же системы, и коммуникации выходят из-под контроля, ибо у коммуникационного режима нет готовых решений в отношении новых практик коммуникации. Свою «игру» может вести и коммуникационный режим, начав изменяться на опережение «запаздывающей» эмерджентности. Как правило, это происходит в случаях, если

субъекты коммуникационных режимов смогли уловить тенденции изменений, оценить опыт других систем и сопоставить выгоды от изменения коммуникационного режима в контексте собственных интересов.

Методика эмпирического анализа страновых коммуникационных режимов

Обобщая вышесказанное, отметим, что страновые коммуникационные режимы задаются как минимум следующими социальными законами и факторами, которые необходимо учитывать:

- универсальными законами коммуникации (например, законами кибернетики);
- законами функционирования и развития социальных систем (например, законами самосохранения, обратных связей, самоорганизации, воспроизводства, эмерджентности и другими закономерностями и тенденциями, открытыми в теориях сложных систем);
- законами отношений коммуникаторов, коммуникантов и реципиентов (например, циклическая схема Г. Лассуэлла, линейная и нелинейная схемы коммуникаций Т. Ньюкомба, модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера и др.);
- культурно-пространственным фактором, который формируется под влиянием этнических, религиозных, социокультурных и иных особенностей конкретного коммуникационного пространства и который называется социокультурным «контекстом», «информационно-коммуникационной средой» и т.п.;
- политическими режимами, моделью организации власти и ее идеологией, которые определяют способы доставки, переработки, распределения, усвоения

Рисунок 1. Модель комплексного эмпирического исследования странового коммуникационного режима

Model of a comprehensive empirical study of the country communication regime

информации, границы «дозволенного» и придают коммуникационным режимам ряд специфических черт;

- особенностями сферы коммуникации (например, коммуникации в политической сфере отличаются от иных ее видов, так как связаны с проблемами завоевания, распоряжения, удержания власти).

На основе вышеописанных теоретических позиций мы предлагаем модель комплексного эмпирического исследования коммуникационного режима (визуализация модели представлена на Рисунке 1). Модель является некоей абстракцией, которую, разумеется, можно дополнять в зависимости от исследовательских задач и которую следует конкретизировать с учетом контекста и особенностей каждой страны.

В основе модели лежат: (1) наши представления о конструировании коммуникационного режима формальными и неформальными нормами, а также укоренившимися и новыми практиками коммуникации; (2) наши представления о ключевых участниках коммуникационного режима, от которых ожидается соблюдение норм и правил, которые могут самоорганизовываться и оказывать давление на действующий коммуникационный режим, и участники, отклонения в действиях которых могут привести к дестабилизации.

На Рисунке 1 окружность показывает границы контекста, который состоит из исторически сложившихся констант, определяющих особенности коммуникационного режима в той или иной стране: особенности политического режима и политической культуры, формирующие конвенциональные правила коммуникации, социокультурные особенности, неформальные правила, ситуативные факторы, влияющие на избирательное применение норм и правил и избирательное использование наказаний (или поощрений).

Две пересекающиеся линии показывают необходимость изучения установленных норм и правил, выявления устоявшихся и новых практик и дискурсов коммуникационного режима, эмерджентность и самоорганизация которых способны повлиять на действующий коммуникационный режим.

Модель предполагает изучение как минимум четырех групп участников коммуникации (представляющие подсистемы коммуникации, о которых мы говорили выше), на регулирование коммуникаций которых направлен коммуникационный режим и которые, в свою очередь, могут становиться субъектами режима, видоизменяя его. Каждая группа участников анализируется обязательно и как субъект, и как объект режима.

В нашей статье предлагается следующая детализация групп акторов:

- группа «Политические организации» – это государственные институты, партии, политические движения;

- группа «НКО, общественные организации, иные виды общественных институций» – это некоммерческие, неправительственные организации, GONGO, общественные движения;

- группа «СМИ и другие каналы информирования» – это организации, группы и индивиды, которые распространяют информацию, а точнее – СМИ, информационные, аналитические агентства; исследовательские, мониторинговые центры, размещающие в публичном доступе и распространяющие информацию социально значимого характера (значимость определяется в зависимости от целей исследования коммуникационных режимов);

- группа «Неинституционализованные групповые и индивидуальные значимые участники общественной коммуникации» – это акторы общественной, научной, молодежной, церковной и иной дипломатии, акторы международного сотрудничества (культурные проекты, программы академической мобильности)

и др., не имеющие юридического статуса политической, общественной или иной организации.

Предлагаемая модель комплексного эмпирического исследования странового коммуникационного режима позволяет исследовать режим как во внутреннем контуре (в отношении внутригосударственных субъектов и объектов коммуникации), так и во внешнем (в отношении иностранных участников коммуникации). Во внутреннем контуре нас особенно интересует проблема устойчивости коммуникационных режимов, а на внешнем контуре – проблема дружелюбности коммуникационных режимов по отношению к другим странам. Именно на этих двух направлениях концентрируется внимание ученых Национального исследовательского института развития коммуникаций. На основе полученных данных возможно определить степень управляемости странового коммуникационного режима и прогнозировать его модуляции и смещения центров управления страновыми коммуникациями, а на внешнем контуре – определить степень дружелюбности коммуникационных режимов стран и выявить основных акторов дружественных межгосударственных коммуникаций.

Выводы

Коммуникационные режимы представляют собой управляемую (с разной степенью управляемости) институционализированные, конвенциональные (с разной степенью конвенциональности) взаимосвязанные совокупности норм, правил, принципов, регулирующих общественные коммуникации. Коммуникационный режим регулирует коммуникационные и информационные процессы и его имманентными составляющими являются коммуникации (процесс и результат установления двух- или многосторонних контактов) и информация (сообщения, передаваемые в процессе коммуникации или в одностороннем, одностороннем процессе информирования). Коммуникационный режим наиболее явно проявляется:

- в законах, регулирующих деятельность внутренних и зарубежных СМИ на территории страны, общественно-политическую коммуникацию внутри страны (деятельность общественно-политических организаций, групп, индивидуальных участников), внешнеполитическую, внешнеэкономическую коммуникацию и международные коммуникации гражданского общества;
- в общественно-политическом дискурсе, направленном на формирование желаемой модели внутригосударственной и межгосударственной коммуникации и ее идеологическое наполнение;
- в традициях, обычаях, стереотипах, показывающих особенности отношений в подсистемах общественной коммуникации;
- в действиях субъектов государственных коммуникационных режимов и центров принятия решений, общеобязательных для исполнения.

Социальная сущность коммуникационного режима заключается в упорядочивании коммуникации и информации в границах системы, которая стремится к самосохранению. Политическая сущность коммуникационного режима заключается в обеспечении воспроизводства действующей власти, которая устанавливает условия, принципы и правила коммуникации, признает некоторые неформальные практики коммуникации (не угрожающие политическому режиму), делает некоторые допущения в отношении альтернативной информации (не разрушающей общественное доверие к власти). В этом смысле страновые коммуникационные режимы являются непрямой проекцией политических режимов. «Непрямой проекцией» – потому что в основе своей конструирование и динамика коммуникационных режимов в большей степени

подчинена законам социальной жизни, а не политической целесообразности. Политическая целесообразность наполняет коммуникационные режимы идеологическим содержанием, но лишь до определенного предела.

Конструирование коммуникационных режимов происходит путем: (1) институционализации представлений субъектов коммуникационных режимов об идеальной модели коммуникации внутри страны и в отношениях с другими странами, принятия соответствующих законов и создания необходимых структур; (2) консолидации общества и власти относительно исторически сложившихся норм и традиций, регулирующих коммуникации, независимо от их закрепления в законах; (3) учета интересов больших, социально и политически значимых групп населения, так как от их согласия с правилами и условиями коммуникации зависит стабильность системы; (4) адаптации действующего режима к новым коммуникативным практикам.

Коммуникационные режимы конструируются институтами власти, которые принимают соответствующие законы, создают специальные структуры, имеют ресурсы для поддержки режима, применяют разного рода санкции к отклоняющимся от принятых норм. В свою очередь, общество годами вырабатывает свои практики и представления о правилах коммуникации, наиболее значимая часть которых регулирует коммуникации и учитывается режимом, даже не будучи закрепленными в законах. Таким образом, любой коммуникационный режим следует рассматривать как консервативный фактор общественной системы, более способствующий закрытости (но не замкнутости) системы, чем ее открытости. Но в условиях быстро изменяющейся реальности, активизации глобальных сетей коммуникации и информации возникают новые практики, которые претендуют на новые правила и в случае их санкционирования действующим режимом могут приводить к дестабилизации общественной системы. Новые практики коммуникации являются результатом самоорганизации некоторых элементов системы и результатом эмерджентных эффектов той самой системы, которую так оберегает коммуникационный режим. В этом заключаются парадоксы коммуникационных режимов, названные нами «режим-консерватор» и «игры эмерджентности с режимом».

Коммуникационные режимы имеют сложные субъект-объектные отношения, при которых объекты режимного регулирования сами становятся субъектами, иницируя и используя новые практики коммуникации, которые способны приводить к модуляциям режима. Значимыми участниками коммуникации являются политические организации, общественные организации, СМИ и иные структуры, информирующие общество, а также не имеющие форму организации индивидуальные и групповые акторы, как например: общественные лидеры, группы ученых, молодежи и др. В ряде стран доминирующими субъектами коммуникации становятся церковь, армия, корпорации и другие участники, создающие весьма специфичные коммуникационные режимы (например, в странах – исламских политических проектах).

Эмпирическое исследование коммуникационных режимов предполагает применение системного, структурно-функционального и институционального подходов, а именно – анализа взаимосвязей структур и институций, составляющих основу коммуникационного режима, анализа дискурсов и практик значимых групп участников общественной коммуникации и каналов информации, выявления новейших практик, претендующих на институционализацию в качестве норм и обновление коммуникационного режима.

Исследование страновых коммуникационных режимов, их сравнение, типологизация, выявление модуляций, факторов устойчивости и дружелюбности предполагает привлечение большого количества ученых из разных стран. В этой связи мы приглашаем заинтересованных зарубежных и российских коллег присоединиться

к научному проекту и внести свой вклад в развитие исследований страновых коммуникационных режимов.

Источники

- Акофф, Р., Эмери, Ф. (1974), *О целеустремленных системах*, Советское радио, Москва.
- Анохин, П.К. (1978), *Философские аспекты теории функциональной системы: избр. труды*, Наука, Москва.
- Берталанфи, Л. (1969), "Общая теория систем: критический обзор", *Исследования по общей теории систем: сб. переводов*, Прогресс, Москва, сс. 23-82.
- Винер, Н. (2019), *Кибернетика и общество*, Издательство АСТ, Москва.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), "Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы", *Международная жизнь*, № 10, сс. 38-49.
- Клир, Д. (1973), *Системология*, Радио и связь, Москва.
- Лассуэлл, Г. (2006), "Язык власти", пер. с англ. М.В. Толмачёва, режим доступа: <https://gtmarket.ru/personnels/garold-lassuell>.
- Лассуэлл, Г. (2021), *Техника пропаганды в мировой войне*, пер. с англ., ИНИОН РАН, Москва.
- Луман, Н. (2001), *Власть*, пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Праксис, Москва.
- Луман, Н. (2005), *Реальность массмедиа*, пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Праксис, Москва.
- Росс Эшби, У. (2021), *Введение в кибернетику*, Ленанд, Москва.
- Тоом, Я., Комлева, В.В. (2020), "Эволюция системы государственного управления: Эстонская Республика", *Государственная служба*, том 22, № 4 (126), сс. 82-118.
- Шарафутдинова, Э.Ф. (2009), "Традиционная этноправовая культура чеченцев в контексте современных социально-политических процессов в Чечне", *Северо-Кавказский юридический вестник*, № 3, сс. 49-52.
- Ayish M. (2005), "From 'Many Voices, One World' to 'Many Worlds, One Voice'", *Javnost - The Public Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 12, No. 3, pp. 13-30.
- Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society*, Wiley Blackwell.
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication regimes as a new scientific category", *Communicology*, Vol. 8, No. 3, pp. 43-50.
- Habermas, J. (1984), *The theory of communicative action: Reason and the rationalization of society*, Vol. 1, Beacon Press, Boston.
- Habermas, J. (1985), *The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*, Vol. 2. Beacon Press, Boston.
- Holzberg, B. (1982), "The New World Informational Order: A Legal Framework for Debate", *Western Reserve Journal of International Law*, Vol. 14, No. 2, pp. 387-418.
- Li, T. (1988), *A Comparative Study of Reciprocal Coverage of the People's Republic of China in the Washington Post and the United States in the People's Daily in 1986: a case study of Foreign News within the Context of the Debate of the New World Information Order: Author's thesis*, available at: <https://shareok.org/bitstream/handle/11244/21251/Thesis-1988D-L693c.pdf?sequence=1>.
- Masmoudi, M. (1972), "The New World Information Order", *Journal of Communication*, Vol. 24, No. 2, pp. 172-179.
- Roach, C. (1990), "The movement for a New World Information and Communication Order: a second wave?", *Media, Culture and Society*, Vol. 12, pp. 283-307.
- Silva, J. and Barbosa Neto, P. (2019), "Information Regimes, governmental agents and information typologies: monitoring the implementation of 182 ILO Convention", *Perspectivas em Ciência da Informação*, Vol. 24, No. 1, pp. 103-121.
- Sreberny, A. (2006), "The Global and the Local in International Communications", *Media and Cultural Studies*, rev., ed Durham, M. & Kellmer, D., Backwell Publishing.
- Theberge, L. (1981), "U.N.E.S.C.O.'s 'New World Information Order': Colliding with First Amendment Values", *American Bar Association Journal*, Vol. 6, No. 6, pp. 714-718.
- Thussu, D. (2015), "Reinventing 'Many Voices': MacBride and a Digital New World Information and Communication Order", *Javnost - The Public Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 22, No. 3, pp. 252-263.
- Zandberg, I. (1995), *New world information and communication order or new world corporate order: information flow within the domain of western civilization after 1989*, Author's thesis, accessed at: <https://core.ac.uk/download/pdf/215223664.pdf>.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-13-26

Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia).

Abstract. The article examines a new scientific category of communication regime, analyses its scope, socio-political significance and features. The author describes communication regime as a controlled (with varying degree of controllability), institutionalized (with varying degree of institutionalization), conventional (with varying degree of conventionality) system of norms, rules, principles, traditions, structures, and actors that regulates information and communication processes. The immanent components of the communication regimes are communications (the process and the result of establishing two- or multilateral contacts) and information (the messages transmitted in the process of communication or in a one-way, unidirectional process of informing). The social essence of the communication regime lies in the ordering of communication and information, and the political essence in ensuring the reproduction of the current government, which together allows the system to preserve itself. The social essence of the communication regime lies in the harmonisation of communication and information, the political essence is in ensuring the reproduction of the current government, which in aggregate allows the system to preserve itself. The construction of communication regimes occurs by: (1) institutionalizing the ideas of the subjects of power about the ideal model of organizing information and communication processes in society; (2) consociations regarding the historically established norms and traditions of communication; (3) taking into account the interests of large and significant social groups; (4) adaptation of the current regime to new communication practices. Communication modes have complex subject-object relationships in which objects can become subjects and change the current regime. The author reveals the paradoxes and contradictions of communication modes, the underestimation of which can lead to social and political destabilization. A model for a comprehensive analysis of country communication regimes is proposed, developed by the author under the influence of systemic, institutional approaches, the ideas of constructivists, and taking into account the possibilities of the empirical level of research, fixation and pooling of scientific facts.

Keywords: communication regime, information order, political regime, political communication, communication system

About the author: Valentina Vyacheslavovna KOMLEVA – DSc (Soc.), head of the Analytics department of the National Research Institute for Communications Development, head of the Department of regional studies and international cooperation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: Korobeinikov lane, 22/1, Moscow, Russia, 119034. E-mail: komleva@nicrus.ru.

References

- Ackoff, R. and Emery, F. (1974), *On Purposeful Systems* [O tselestremlennykh sistemakh], trans. from Eng., Moscow (in Russian).
- Anokhin, P.K. (1978), *Philosophical aspects of the theory of a functional system: selected papers* [Filosofskie aspekty teorii funktsional'noi sistemy: izbr. trudy], Nauka, Moscow (in Russian).
- Ayish, M. (2005), "From 'Many Voices, One World' to 'Many Worlds, One Voice'", *Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 12, No. 3, pp. 13-30.
- Bertalanffy, L. (1969), "General systems theory: a critical survey", *Studies in general systems theory*:

- collection of transl. articles ["Obshchaya teoriya sistem: kriticheskii obzor", *Issledovaniya po obshchei teorii sistem: sb. perev. st.*]. Progress, Moscow, pp. 23-82 (in Russian).
- Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society*, Wiley Blackwell.
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication regimes as a new scientific category", *Communicology*, Vol. 8, No. 3, pp. 43-50.
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication modes as a factor of intercountry interactions: problem statement", *International Affairs* ["Kommunikatsionnye rezhimy kak faktor mezhstranovykh vzaimodeistvii: postanovka problemy", *Mezhdunarodnaya zhizn*], No. 10, pp. 38-49 (in Russian).
- Habermas, J. (1984), *The theory of communicative action: Reason and the rationalization of society*, Vol. 1, Beacon Press, Boston.
- Habermas, J. (1985), *The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*, Vol. 2, Beacon Press, Boston.
- Holzberg, B. (1982), "The New World Informational Order: A Legal Framework for Debate", *Western Reserve Journal of International Law*, Vol. 14, No. 2, pp. 387-418.
- Klir, D. (1973), *Systemology* [Sistemologiya], trans. from Eng., Moscow (in Russian).
- Lasswell, G. (2006), *The Language of Power* [Yazyk vlasti], trans. from Eng., access mode: <https://gtmarket.ru/personnels/garold-lasswell> (in Russian).
- Lasswell, G. (2021), *Propaganda Techniques in World War II* [Tekhnika propagandy v mirovoi voine], trans. from Eng., INION RAN, Moscow (in Russian).
- Li, T. (1988), *A Comparative Study of Reciprocal Coverage of the People's Republic of China in the Washington Post and the United States in the People's Daily in 1986: a case study of Foreign News within the Context of the Debate of the New World Information Order: Author's thesis*, available at: <https://shareok.org/bitstream/handle/11244/21251/Thesis-1988D-L693c.pdf?sequence=1>.
- Luhmann, N. (2001), *Power* [Vlast'], trans. from German, Praxis, Moscow (in Russian).
- Luhmann, N. (2005), *Reality of the Mass Media* [Real'nost' massmedia], trans. from German, Praxis, Moscow (in Russian).
- Masmoudi, M. (1972), "The New World Information Order", *Journal of Communication*, Vol. 24, No. 2, pp. 172-179.
- Roach, C. (1990), "The movement for a New World Information and Communication Order: a second wave?", *Media, Culture and Society*, Vol. 12, pp. 283-307.
- Ross Ashby, W. (2021), *Introduction to Cybernetics* [Vvedenie v kibernetiku], trans. from Eng., Lenand, Moscow (in Russian).
- Sharafutdinova, E.F. (2009), "Traditional ethno-legal culture of Chechens in the context of modern socio-political processes in Chechnya", *North Caucasian legal bulletin* ["Traditsionnaya etnopravovaya kul'tura chechentsev v kontekste sovremennykh sotsial'no-politicheskikh protsessov v Chechne", *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*], No. 3, pp. 49-52 (in Russian).
- Silva, J. and Barbosa Neto, P. (2019), "Information Regimes, governmental agents and information typologies: monitoring the implementation of 182 ILO Convention", *Perspectivas em Ciência da Informação*, Vol. 24, No. 1, pp. 103-121.
- Sreberny, A. (2006), "The Global and the Local in International Communications", *Media and Cultural Studies*, Ed. Durham, M. & Kellmer, D., Backwell Publishing.
- Theberge, L. (1981), "U.N.E.S.C.O.'s 'New World Information Order': Colliding with First Amendment Values", *American Bar Association Journal*, Vol. 6, No. 6, pp. 714-718.
- Thussu, D. (2015), "Reinventing 'Many Voices': MacBride and a Digital New World Information and Communication Order", *Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 22, No. 3, pp. 252-263.
- Toom, J., Komleva, V.V. (2020), "Evolution of the public administration system: the Republic of Estonia", *Public Administration* ["Evolutsiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya: Estonskaya Respublika", *Gosudarstvennaya sluzhba*], Vol. 22, No. 4 (126), pp. 82-118 (in Russian).
- Viner, N. (2019), *Cybernetics and Society* [Kibernetika i obshchestvo], trans. from Eng., Moscow (in Russian).
- Zandberg, I. (1995), *New world information and communication order or new world corporate order: information flow within the domain of western civilization after 1989, Author's thesis*, accessed at: <https://core.ac.uk/download/pdf/215223664.pdf>.